

Тотальное творчество

Выставка Зураба Церетели в Санкт-Петербурге

У памятника И. Бродскому на открытии выставки З. Церетели в петербургском Манеже

16 марта в петербургском Манеже открылась выставка работ Зураба Константиновича Церетели, первая его большая персональная выставка в городе на Неве. Со свойственным ему размахом Церетели представил в щедром изобилии на выставке и строгий суд петербургцев свое искусство, а вернее, самого себя – свою неуемную стихию творчества, свою страсть к экспериментаторству, к непрерывному, неустанному созиданию во всех формах и видах изобразительного искусства, будь то скульптура, живопись, графика, прикладное искусство.

Монументальные памятники, рельефы и большие бронзовые скульптуры, близкие по характеру к его же мелкой пластике; станковая живопись маслом и акварелью и мозаика, монументальные работы; эмали и цветная шелкография; рисунки, сделанные пером и переведенные в технику черной шелкографии... Нет, кажется, такой техники, которой бы не отдал дань Церетели, которой бы не овладел с мастерством профессионала высокого класса, из которой бы не постарался извлечь максимум возможностей. Бронзовое литье, неожиданные, непривычные формы эмали – вплоть до эмалевых рельефов; печатные техники... Церетели неустанно пробует, изобретает, возвращается к жизни утраченные, забытые техники, обогащает их.

Столь же широк диапазон тем, интересов, пристрастий Церетели – со свойственной ему натуре увлеченностью отдает он всего себя работе над портретом, натюрмортом, бесчисленными букетами, пейзажами нежно любимой им Грузии, образами родного ему старого Тбилиси, над историческими циклами и циклами, посвященными Библии, священной истории; создает галерею бронзовых рельефных портретов известных деятелей искусства и острей, с элементами гротеска типы людей всех возможных профессий. Откликается на мировые события, не оставаясь равнодушным ко всему, что волнует, потрясает современный мир.

В каждую свою работу художник вкладывает всего себя, свой темперамент, свою энергию, которой, кажется, нет предела, свою поистине безграничную, неутолимую жажду

творчества – и, создав с поражающей быстротой новое произведение, тотчас же несет его, дарит людям, городу, стране. Потребность отдавать, делиться, дарить – характернейшая черта Зураба Церетели, человека и художника.

...Перед входом в Манеж, предваряя выставку, воздвигся Петр Великий – сделанный в строгих академических традициях монументальный памятник, воплощающий Петра как создателя и хранителя своего города; дань величайшего уважения и благодарности художника Петербургу. Еще один образ, дорогой петербуржцам, – Иосиф Бродский – предстает в первом зале выставки. Казалось бы, столь же традиционно реалистический памятник поэту, с превосходной портретной головой – и символическим совмещением в одежде мантии нобелевского лауреата с ватником и сапогами ссыльного на лесоповале... Подобные совмещения, причудливые, произвольные – и органичные, естественные в своей условной театральности, рожденные вольной игрой художественной фантазии, присущи Церетели, чье творчество глубоко театрально по своей природе.

“Дворник”, “Фотограф” и тут же “Лужков в виде дворника” – некоторые из множества “актеров” театра Церетели, бронзовые фигуры в натуральную величину, пронизанные юмором, иногда почти карикатурные и всегда человечные, исполненные редкой для нашего жестокого времени доброты. Человечность и доброта свойственны всему творчеству Зураба Церетели. Какими бы условными, обобщенными, утрированными ни представляли люди в его живописных портретах, скульптурах, графических набросках типажей, никогда в них нет оттенка высокомерного пренебрежения художника к людям как марионеткам, столь свойственного многим мастерам ХХ века. Церетели в своем созданном им талантом и фантазией мире – свой среди своих, равный среди равных, будь то его сверстники: поэты и артисты, друзья и гости за обильным грузинским столом, будь то испанский тореро или типы Иерусалима, или “сильные мира сего” – мэр Москвы, Президент в спортивном обличии дзюдоиста.

Горячая увлеченность Церетели,

присущее ему неравнодушие ко всему, что происходит вокруг, встает перед его глазами, страстная заинтересованность и непреодолимое стремление во всем участвовать, на все откликнуться – свойства, которых у него не отнять, привлекают к нему и к его искусству, столь изобильному, разнообразному, часто неожиданному, непривычному, естественно, неспособному удовлетворить всех и вся. Церетели и его творчество можно горячо любить или, если угодно, столь же горячо не любить – оставаться к нему безразличным невозможного.

И еще одно свойство Зураба Церетели, способное одних привлечь к нему, других оттолкнуть. В какой бы технике он ни работал, в какой бы манере, в каком стиле ни создавал свое искусство – это всегда именно созидание, творчество, причем творчество мастера, умеющего сделать вещь своими руками, сотворить средствами, присущими изобразительному искусству: написать, вылепить, нарисовать, отлить, отчеканить... Церетели – художник всегда остается тем, чем были художники со времен Древнего Египта – мастером, ремесленником в самом высоком смысле этого слова, в итоге многолетней неустанной работы овладевшим всеми средствами и возможностями своего искусства. Его работы всегда от начала до конца рукотворны. Никогда не передоверял он своего любимого дела механическим средствам фото- и компьютерной техники; не уходил от авторской ответственности за каждый штрих, каждый мазок, не поддавался соблазнам мировой моды на разного рода сиюминутные новации, способные на миг завладеть вниманием публики.

Искусствоведы относят искусство Церетели к “постмодернизму” – стилистическому течению ХХ века, ныне как бы и устаревшему. Устаревшему ли? Искусство – не мода, меняющаяся с каждым осенне-зимним сезоном. Никакая глобализация современного мира не способна отменить и перекрыть непроторимости личности художника. Уласи Бог человечество, если искусство станет подобием топ-моделей, единственным во всех концах земли, если художники Европы и Азии, Америки и Африки станут представлять нечто неразличимое, единообразное, подогнанное под один обязательный стиль очередного “изма”, кем-то утвержденного в качестве современного мирового искусства.

Могу сказать со всей ответственностью: для России это непригодно. Необъятная, противоречивая, совмещающая в себе прошлое и будущее, историю, уходящую корнями в глубь веков, и самую животрепещущую современность, Россия и ее искусства просто не могут быть подогнаны под кем-то установленное и утвержденное единобразие. Наше искусство ХХ века было глубоко разным, очень личностным. Семьдесят лет все настоящие художники противились директивным попыткам подогнать их творчество под некий стандарт. Слишком глубоко пострадали мы от посягательств на личность художника, на его право быть самим собой в своем искусстве!

Зураб Церетели – ярчайший пример личности в искусстве, неповторимой индивидуальности, раскованной свободы “самовыражения”, без оглядки на кого-либо и что-либо, навязанное извне. Уважая и привлекая в Музей современного искусства, под сенью возглавляемой им Российской академии художеств художников всех направлений, уважая все искусства, все опыты и эксперименты в искусстве, как бы далеки лично ему они ни были, он вправе ожидать, что и к нему самому, и к его соратникам и единомышленникам в искусстве будут относиться с таким же уважением, как к яркой странице современного русского – и не побоюсь сказать, мирового искусства. Он таков, каков он есть – с гостеприимной щедростью распахивает двери в свой мир, зазывает в свой театр, усаживает за свой изобильный стол, над которым несется, беря за душу задушевной грустью, звуки распевного грузинского многоголосия...

Мария ЧЕГОДАЕВА

Фото ИТАР-ТАСС